

79
206/80

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СЕКРЕТНО ЦК ВКП(б) -

тов. ЕЖОВУ.

К притворам

507

В дополнение к ранее посланным Вам заявлениям и справке об арестованном подделу контр-революционной троцкистской организации АЛЬСКОМ А.О. направляю это заявление от 22 июня с.г.

АЛЬСКИЙ А.О. пытался устроить демонстрацию покушения на самоубийство, однако, не причинил себе никакого вреда.

НАЧ. СЕКР. ПОЛИТ. ОТДЕЛА ГУГВ

[Signature]
(Г. МОЛЧАНОВ)

11 " *11* " ИЮНЯ 1936 г.

№ 1055 71

Копия.

80
207
1-82

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б).

Отдельно т.т. И.В.Сталину, В.М. Молотову и Н.И. Ежову.

Уважаемые товарищи!

Когда это мое письмо дойдет до Вас, меня уже не будет в живых. Как я однажды уже писал Вам в письме от 20-го февраля с.г., мысль о самоубийстве давно уже преследовала меня, но я всячески боролся с ней, считая, что моя жизнь, мои знания, опыт, способности и умение принадлежат только нашей партии и революции, и только им одним и что я не вправе распоряжаться по собственному усмотрению. Несмотря на крайне тяжелое физическое и душевное состояние, несмотря на совершенно ненормальные условия работы, в которые я был в общем поставлен и несмотря, наконец, на ужасно тяжелый политический удар, который был мне нанесен в 1933г., когда меня исключили из партии, я все же находил в себе все время силы, чтобы бороться с этой навязчивой мыслью. Целиком отдаваясь работе, работал, что называется, запоем, я на практике защищал и проводил генеральную линию партии без всяких отклонений, я все время лелеял надежду, что моя самоотверженная работа на весьма трудных участках нашего хозяйственного фронта будет в конце концов замечена нашей партией и оценена как следует, а это даст мне возможность реабилитировать себя, получить прощение за свои прошлые ошибки и преступления, которые я совершил в 1927-УП.

81
207
83

1929г., когда я участвовал в к.-р. троцкистской оппозиции и приобрести право вернуться в ряды бойцов нашей славной ВКП(б). Но моей судьбе угодно было распорядиться иначе. В настоящее время я не вижу для себя другого выхода, кроме смерти, ибо, во-первых, с момента моего ареста я убедился, что никого, собственно, не интересовало и не интересует, как я относился к общей линии политики нашей партии и к ее героическому руководству, с какой радостью честного бойца я принимал всякий успех, всякую победу и достижение нашей партии с момента моего бесповоротного разрыва с Троцким и к.-р. троцкистской оппозицией в УП. 1929г. и как я с тех пор боролся за проведение генеральной линии нашей партии на всех участках своей общественно-политической и хозяйственной деятельности. Но этого мало. Со времени моего нахождения в тюрьме у меня сложилось твердое впечатление, что следственный аппарат НКВД пытается всеми средствами представить меня в качестве врага партии и революции, таким образом лишить меня единственной цели всей моей жизни, а именно: возможности попрежнему служить нашей славной ВКП(б) и победоносной революции. Не будучи врагом партии, а считая себя ее честным бойцом, я не могу мириться с этим обвинением. Во-вторых, в нескольких письмах, арестованных в ЦК нашей партии и лично Вам т.т. СТАЛИН, МОЛОТОВ и ЕЖОВ-письмах, написанных не чернилами, а кровью и соком своих больных нервов, - я по совести осветил Вам всю сущность моего

дела. В этих письмах я вывернул перед Вами, что называется наизнанку всю свою душу и вместе с тем, сообщал Вам какими методами ведется следствие по моему делу в НКВД. Как большевик, как революционер, привыкший считать, что благо революции — высший закон, я просил Вас в этих письмах просто приказывать расстрелять меня, если моя жизнь и моя деятельность на попроще нашего социалистического строительства может хоть в какой-нибудь мере вызывать беспокойство соввласти, или мешать спокойной работе руководства нашей партии и правительства, или же, если моя жизнь имеет еще какую-нибудь ценность, а мои знания, опыт, способности и умение могут еще быть использованы нашей партией и властью, — дать мне возможность вернуться к нормальной творческой деятельности, которая может быть только полезной для нашей партии, нашей власти и нашего великого социалистического строительства. Несмотря на все эти обращения я 4½ месяца томился в ужасном состоянии, в ужасных условиях в тюрьмах НКВД и был поставлен в положение паразита, который зря ест советский хлеб, т.е. очутился в положении которого я больше всего боялся в связи с моей тяжелой болезнью.

До 1-го апреля следственные работники, которые ведут мое дело в НКВД, всячески уверяли меня, что никто в руководстве партии и никто в ЦК не обращает внимания на мои обращения и даже не читает их. Однако, 1-го апреля совершенно для меня

83
~~210~~
85

неожиданно в НКВД приехал во время, когда меня привели к следователю, т.к. Н.И. Ежов. Вследствие неожиданности и крайне болезненного моего состояния, наш разговор носил несколько сумбурный характер. Однако, перед своим уходом, прощаясь со мной Н.И. заявил мне, что партия наша несколько не заинтересована ни в изоляции, ни в уничтожении родных и при всех условиях близких ей людей, что она желает лишь во всем разобраться, так как она отвечает не только за состояние своих собственных рядов, но и за судьбы великой социалистической родины, за дальнейшее развитие нашей и мировой революции и в заключение призывал меня к выдержке и спокойствию. Уходя, он дважды обещал еще раз повидаться со мной. С тех пор, между тем, уже прошло больше $2\frac{1}{2}$ месяцев, а со времени моего ареста больше $4\frac{1}{2}$ месяцев, а я все еще валяюсь в советской тюрьме, с каждым днем все больше и больше теряя способности стоять и передвигаться на своих больных ногах. В таком состоянии я при всех условиях никому больше не нужен.

Трудно выразить словами, что я пережил в последние $2\frac{1}{2}$ месяца в борьбе с самим собой, желая сохранить спокойствие духа, как об этом просил т. Н.И. Ежов, при прощании 1-го апреля. Но теперь, однако, я не в состоянии больше сдерживать себя, оставаясь в советской тюрьме, когда кругом производится величайшее социалистическое строительство. Я не в состоянии больше жить вне свободного творческого труда, направленного на пользу

84
86

- 5 -

нашей партии, революции и народа.

Из всего сказанного видно, что мое решение — умереть не является результатом моих каких-либо разочарований жизнью, партией, или революцией и не является также результатом моих тяжелых физических страданий, связанных с болезнью. Нет, напротив, когда "жить стало радостней и веселей", когда революция открыла перед каждым столько творческих возможностей, уходить из жизни чрезвычайно тяжело и обидно. Но у меня лично, как я уже отмечал выше, другого выхода нет.

Сколько не ограничены круги людей, которые ныне знают меня в партии и стране, уход мой из жизни и при том в советской тюрьме не сможет не найти, как мне кажется, какого-нибудь отклика в нашей партии ее общественном мнении. В связи с этим меня чрезвычайно беспокоит одно обстоятельство, а именно: как бы враги нашей партии и революции не воспользовались моей гибелью для нападков на нашу партию, ее вождей и соввласть. В целях ограждения нашей партии с этой стороны, да и вообще во избежание каких бы то ни было кривотолков, связанных с моей смертью я еще и еще раз заявляю Вам, как неоднократно заявлял до сих пор, что до последнего своего вздоха я оставался преданным сыном партии, хотя однажды, в 1927- УП- 1929г. и сбился с ее пути. Перед смертью не врут.

Мую смерть в тяжелых условиях тюрьмы не следует ни в коем случае рассматривать в качестве враждебного акта, направ

85
87

ленного против линии политики партии, правительства или их руководства. Напротив, своим самоубийством я стремлюсь как раз создать для них спокойные условия работать раз могла возникнуть даже тень сомнения в моей беспредельной преданности партии и революции. Интересы партии и революции для меня высший закон.

Уходя из жизни я хотел бы просигнализировать ЦБ нашей партии и Вам т.т. СТАЛИН, МОЛОТОВ и ЕЖОВ о наличии некоторых ненормальностей и извращений, в некоторых звеньях аппарата НКВД который должен, как известно, в первую очередь бороться с такими явлениями.

НКВД является острейшим и нужнейшим органом диктатуры пролетариата и ни в каком звене его аппарата не может быть допущено ничего такого, что противоречило бы, или извращало, величайшие лозунги нашей партии о революционной законности, о чутком отношении к живым людям, которые при всех условиях остаются гражданами страны Советов, о советском гуманизме и, наконец о том, что советское законодательство не знает мести, а стремится, даже наказывая, исправить и перевоспитать провинившегося или нарушившего в чем-либо законы, нашей великой социалистической страны.

Между тем, благодаря боязни самокритики, ограничению подследственных в праве самозащиты, применению, как я убедил-

85 88

ся на собственном опыте, неправильных методов при ведении следствия, отсутствию всестороннего подхода, как того требуют III и II2 ст. УПК, при расследовании всякого дела, которое затрагивает интересы живого человека и гражданина СССР, какая-то особая вера в свою непогрешимость, все это и многое другое приводят, по моему, не к укреплению авторитета НКВД, а к его ослаблению, что является особенно вредным, как кажется, именно в настоящий момент, когда внутренняя политическая обстановка в стране изменилась настолько, что мы уже можем перейти к новой системе избирательного права и когда извне нам угрожают враги на наших границах.

В настоящем своем письме я нашел, к сожалению, возможность подробно останавливаться на отдельных фактах, которые наглядно подтвердили бы правильность этого моего предсмертного сигнала, но таких фактов можно привести много и ЦК нашей партии, который требует самокритики, не взирая на учреждения и лица, сможет сам выявить все эти факты, когда условия его общей работы позволят ему вплотную подойти к этому вопросу. Во всяком случае, на необходимость строжайшего соблюдения революционной законности во всех звеньях аппарата НКВД, на необходимость некоторого улучшения тюремного режима и о категорическом запрещении следователям НКВД легкомысленного муссиривания во время допросов идей индивидуального террора против вождей нашей партии и правительства, - на все это ЦК нашей партии и руководству НКВД следовало бы обратить свое внимание уже сейчас.

87
217
89

Моей мечтой после перенесенной мной тяжелой болезни и паралича- было умереть большевиком на боевом посту под славным знаменем нашей партии. Я очень жалею, что в силу ряда весьма неблагоприятно сложившихся для меня условий жизни мне не удалось снова восстановить к себе прежнего доверия нашей партии, хотя я очень глубоко осознал всю сущность ошибок и преступлений, которые я совершил перед партией и революцией в тот период, когда я принадлежал к к.-р. троцкистской организации (1927- УЦ- 1929г.) Но все-же я умираю с чистой совестью ибо в течение всех последних лет я ничем не погрешил против нашей партии и все время служил ей верой и правдой.

В полной победе социализма в нашей стране я не сомневаюсь. Я желаю нашей партии и ее славному руководству одержать еще много столь же великих побед, какие были ими одержаны до сих пор.

Единственная моя просьба, с которой я обращаюсь к вам, заключается в том, чтобы, во-первых, моей семьи не считали семьей к.-р., ибо я таковыми не являлся и, во-вторых, чтобы Вы не позволили никому обижать моих и без того несчастных жену и детей.

Примите мой последний искренний большевистский
привет - А. АЛЬСКИЙ.

Москва.
ОК ,к а м е р а № 6
Бутырская тюрьма.

ВЕРНО: *Машин*